

УДК 821.161.1

Сергей Борисович Борисов
г. Шадринск

Семантика образа семи белых медведей в сказке В.П. Катаева «Цветик-семицветик»

В статье исследуются скрытые смысловые слои образа семи белых медведей, наличествующего в сказке Валентина Катаева «Цветик-семицветик». Автор анализирует конкретно-исторические, бытовые, фольклорно-литературные и мировоззренческие аспекты данного образа.

Ключевые слова: литературная сказка, советская детская литература, семантический анализ, символика медведя.

Sergey Borisovich Borisov
Shadrinsk

Semantics of seven polar bears image in V.P. Kataev's fairy tale «Tsvetik-semitsvetik»

The article explores the hidden semantic meanings of the image of seven polar bears presented in the fairy tale of Valentin Kataev «Tsvetik-Semitsvetik». The author analyzes the concrete historical, everyday, folklore-literary and ideological aspects of this image.

Keywords: literary fairy tale, Soviet children's literature, semantic analysis, bear symbolism.

Сказка В.П. Катаева «Цветик-семицветик» была написана в 1940 году и с тех пор переиздавалась десятки раз общим тиражом более десяти миллионов экземпляров. По мотивам сказки были сняты один короткометражный художественный (игровой) и два мультипликационных фильма, не менее трёх разных диафильмов, комплект открыток. Сказка продолжает переиздаваться до настоящего времени, спустя более восьмидесяти лет после своего первоиздания. В книжных магазинах страны сегодня продаются различные издания книги «Цветик-семицветик» с иллюстрациями разных авторов.

Всё сказанное свидетельствует о том, что сказка Валентина Катаева – не так проста, как она обычно воспринимается и трактуется. Как правило, сказка «Цветик-семицветик» воспринимается и трактуется как недвусмысленно дидактическая сказка, сказка с «прямой моралью». А раз так, то что, мол, её художественно или культурологически анализировать.

Но дети чувствуют назидательность и бегут (избегают) её. Если бы сказка была лишь дидактично-назидательна, она исчезла бы из детского быта мгновенно, как исчезли сотни тысяч «правильных», дидактичных книг для детей, написанных и изданных для детской аудитории за более чем полвека советской власти (да и после неё).

Задача нашей статьи – поразмышлять над текстом «Цветика-семицветика» и высветить (вывести на свет) какие-то, с одной стороны, нескрываемые, лежащие на поверхности, а с другой стороны, никогда доньше осознанно не анализируемые детали сказки.

Обратимся к эпизоду с появлением девочки на Северном полюсе. На первый (и притом весьма верный) взгляд, эпизод этот функциональный: девочка загадывает необдуманное желание и тут же терпит ущерб, вызванный проявлением не предусмотренных девочкой аспектов осуществления желания. Конкретно: девочка загадывает желание оказаться на Северном полюсе, но, оказавшись там, она не просто мёрзнет, но и встречает агрессивно настроенных семерых белых медведей. Поразмышляем над этим образом.

Первым делом, конечно, вспоминается русская сказка «Три медведя», известная в 1930-е годы (часто в пересказе Л.Н. Толстого) всем советским детям. И названную русскую сказку, и сказку В.П. Катаева «Цветик-семицветик» можно изложить следующим образом: девочка, покинув дом, попадает в пространство, где хозяйничают медведи, и, почувствовав себя в ситуации (смертельной) опасности, стремительно покидает медвежье «царство».

Почему же медведей семь, а не три? Ответ простой: потому что в сказке ранее уже присутствовали семь баранок и семь лепестков... Девочка «видит» в своём волшебном видении-сне такое число предметов, которое наиболее актуально было для неё наяву.

Итак, первый неявный (хотя особо и не утаиваемый автором сказки) смысл-подтекст эпизода: семь медведей, явившихся девочке на Северном полюсе – это всплывшая в её культурном подсознании сказка «Три медведя»: маленькая девочка, попав в пространство медведей, бежит от них...

Вторая версия. Девочка «попала» на Северный полюс, соревнуясь с мальчиками, которые играли не просто в Северный полюс, а в папанинцев. Участники экспедиции под руководством Ивана Дмитриевича Папанина более двухсот дней дрейфовали на льдине в 1937–1938 гг. В 1939 года для дошкольников была издана книга И. Папанина «На полюсе». С её содержанием, по-видимому, был знаком и сам В.П. Катаев, и героиня его сказки Женя (последняя, как минимум, могла слушать, как её читают, и рассматривать картинки). В главке «Медведи» можно было прочитать следующее:

«Как-то ночью Кренкель вышел из палатки и вдруг закричал нечеловеческим голосом:
– Медведи!.. Скорей вставайте!

Мы уже спали. Но тут мы оделись в три счета, выскочили. Видим: Эрнст стреляет в косолапых, а те удирают во всю прыть. Поди лови их за хвост!..

– Разучились мы охотиться, братки! – сказал я.

– Да, – отозвался Петя, – сейчас неплохо бы поесть свежей медвежатины!» [4, с. 29].

В главе «На обломке» новое появление медведей вблизи полярников обернулось для них бесславной гибелью:

«Однажды Женя вбежал в палатку, закричал:

– Вылезайте! Медведи пришли!

Я схватил ружьё, выскочил из домика. Верно: медведи! Целая тройка!

Прицелился, давай стрелять. Всех трёх уложил... Я наварил огромную кастрюлю медвежатины. Сели обедать. Ребята всё подставляют тарелки... Я думал, что хватит медвежатины дня на четыре, а братки всю кастрюлю в один день очистили» [4, с. 40, 41].

Это значит, что в ассоциативно-смысловом поле «папанинцы – Северный полюс» легко, с опорой на написанное/прочитанное в книге, могли возникнуть и медведи.

Итак, второй неявный (хотя и не скрывааемый автором сказки) смысл-подтекст: семь медведей, явившихся девочке на Северном полюсе, всплыли в её культурном подсознании из книжки И. Папанина «На полюсе», изданной в 1939 году с пометкой «Для дошкольников».

Третье. Девочку зовут Женя, то есть Евгения. У А.С.Пушкина есть поэтическое произведение о Евгении – роман в стихах «Евгений Онегин». В этом романе девушка Татьяна, влюбившаяся в Евгения, видит сон. «Но вдруг сугроб зашевелился, / И кто ж из-под него явился? / Большой взъерошенный медведь...» На этот эпизод критики обратили внимание ещё в XIX веке. В.Ф. Миллер в статье 1899 года «Пушкин как поэт-этнограф» писал: «Художественной реминисценцией русских сказок является в сне Татьяны услужливый медведь, уносящий Татьяну в лесную избушку и заговоривший с ней человеческим голосом: “Здесь мой кум: / Погрейся у него немножко”. Всякий, несколько знакомый со взглядами крестьян на медведя, с поверьями о нем и с его ролью в сказках, невольно почувствует, откуда появился медведь в воображении Пушкина и затем в сне Татьяны, заснувшей с зеркалом под подушкой, после святочных гаданий, настроивших ее воображение в духе народных поверий».

Указание на цитату В.Ф. Миллера содержится в книге Н.Л. Бродского «“Евгений Онегин”. Роман А.С. Пушкина» [1, с. 226]. Спустя несколько десятилетий в комментариях к «Евгению Онегина» Ю.М. Лотман ссылается на утверждение дореволюционного этнографа А. Балова: «Медведя видеть во сне предвещает замужество». Ю.М. Лотман, указывая на «связь образа медведя с символикой сватовства, брака в обрядовой поэзии», приводит ссылку на «весьма распространенный обычай, связывающий медвежью шкуру» «со свадебной символикой»: «молодых на свадьбе сажают на медвежий мех».

Кто-то может сказать: при чём здесь свадьба, речь же идёт о дидактической детской сказке... Да нет, всё именно так. В балете «Щелкунчик» в первом действии фигурирует девочка Маша, жалеющая игрушку. А в последнем действии – это девушка, танцующая с женихом. Хронологически всё действие сказки-балета уместится в одну ночь... Так же и в сказке «Цветик-семицветик»: в начале сказки Женя – девочка-ротозейка, считающая ворон, а в конце сказки – «“Ты мне очень понравился мальчик” – “Ты мне тоже очень понравилась”».

Так что медведи среди льдин в сказке В.П. Катаева – аналог вылезающего из сугроба медведя во сне пушкинской Татьяны. И там, и там – это символ (символ-предсказание, символ-ожидание) желания девочки-девушки создать пару с лицом мужского пола.

Подведём промежуточный итог. Научной предпосылкой появления в «путешествии» Жени на Северный полюс белых медведей является тот факт, что на Северном полюсе действительно обитают белые медведи. Конкретно-исторической предпосылкой появления выходящих из-за льдины белых медведей в сказке, опубликованной в 1940 году, был факт «нашествия» белых медведей на обитавших на дрейфующей льдине полярников-папанинцев в 1937-1938 гг., опубликованный в книжке для дошкольников в 1939 году. Далее, культурно обусловленной детско-возрастной психологической предпосылкой появления в «видении» девочки медведей и убегания от них является наличие в русской культуре сказки про попадание девочки в дом к медведям и бегства от них. Далее, с точки зрения «взрослой» русской культурной традиции появление медведя в видении-сне юного лица женского пола указывает на присутствие в сюжете матримониального (в той или иной степени) мотива.

Но двинемся дальше. Выше мы связывали превращение «Трёх медведей» русской сказки в семерых медведей советской сказки с наличием в сказке семи заказанных мамой и приобретённых девочкой Женей баранок и волшебного цветка с семью лепестками. Иными словами, мы объясняли наличие семерых медведей наличием внутри текста сюжетно значимых множеств, включающих семь элементов. Но возможно и иное объяснение.

В 1980-1990-е годы невероятной, почти культовой популярностью пользовался разошедшийся, как «Горе от ума», на цитаты пятисерийный телевизионный художественный фильм «Место встречи изменить нельзя» с Владимиром Высоцким в главной роли. Фильм этот имел литературной основой роман Аркадия и Георгия Вайнеров «Эра милосердия». Обратимся к фрагменту романа, не подвергшемуся экранизации. Глава уголовного розыска Жеглов разговаривает с дежурным милиционером Соловьевым, выигравшим большую сумму в лотерею:

- «– Дочке пианино куплю, – сказал Соловьев. – Жене, Зинке, отрез панбархата возьму.
- А слоники у тебя на комодке есть? – поинтересовался Жеглов.
- Какие еще слоники? – не понял дежурный.
- Семь таких слоников, мал мала меньше, они ещё счастье приносят.
- А у тебя эти слоники есть? – спросил, подумав, Соловьев.
- Есть, – соврал Жеглов...

Радостно захохотав, Соловьев заорал:

– Вот у тебя есть, а счастье всё равно мне подвалило! Суеверие одно, товарищ Жеглов, ты на них, на слоников, не надейся...» [2, с. 230].

Действие происходит примерно в 1945-1947 гг., но мы понимаем, что речь идёт об устойчивом явлении домашнего быта: установленные на комодке семь слоников «мал мала меньше», по народному поверью, приносили счастье.

Но мало ли «чего не скажешь в шутейном разговоре», – процитируем фразу из названного выше фильма. Иными словами: разовое упоминание семи слоников на комодке в «шутейном разговоре» в одном-единственном произведении – не доказательство.

Тогда полистаем другие книги и – вот, пожалуйста: сборник повестей и рассказов Сергея Никитина. Цитируем произведение 1953 года:

«Мы сидели в её комнате. Тася навезла в неё массу безделушек – кружевных салфеток, флаконов, статуэток, картинок, а на подзеркальнике стояли полукругом семь

слонов – традиционный символ счастья, причем самые маленькие из них походили больше не на слонов, а на свинок» [3, с. 82].

Вот здесь уже не «шутейный разговор» о том, как распорядиться выигравшим билетом лотереи, а бытописательская, «заунывно-серьёзная» «закадровая» интонация: семь слонов – «традиционный» (!) «символ счастья».

А вот свердловский (екатеринбургский) писатель Герман Дробиз (1938-2016) в конце жизни вспоминает (судя по дате рождения) 1940-1960-е гг.: «А слоники? Куда делись эти чаще мраморные, реже фарфоровые слоники, числом, кажется, семеро, мал мала меньше? Не было семьи, чтобы на буфете, на спинке дивана или на каком-нибудь шкафчике не стояли бы эти “слоники счастья”. Что за обычай сделал их этим символом по всей стране?».

Итак, три разных источника указывают на одно: существовала повсеместная мода держать на буфете, комод, спинке дивана, шкафчике, подзеркальнике семь мраморных или фарфоровых «слоников счастья». Материал, из которого делались слоники, понятен, хотелось бы найти прямое указание на цвет этих слоников. Его мы находим в «Песне о белом слоне» Владимира Высоцкого, написанной в 1972 году: «Говорят, что семь слонов иметь хороший тон / на шкафу, как средство от напасти / Пусть гуляет лучше в белом стаде белый слон, пусть он лучше не приносит счастья».

Итак, фиксируем: в 1930-1960-х годах существовал повсеместно распространённый обычай устанавливать на мебели белые мраморные или фарфоровые фигурки семи слонов в качестве символа (семейного, домашнего) счастья.

Но был ли этот обычай действительно повсеместным? Ведь у того же Жеглова из «Эры милосердия» не было дома этих слоников, более того, он рекомендовал их приобрести с явно саркастическим подтекстом. Зароемся ещё глубже в литературу, и вот какую фразу мы отыщем в книге Петра Вайля и Александра Гениса «60-е. Мир советского человека»: «Если когда-то бичевали только абажуры и слоников на столах, то постепенно мещанство становилось источником всех бед...»

Ба! Вот так встреча! Значит, «повсеместно распространённые» семь белых фарфоровых слоников на столах воспринимались передовой идеологией как символ (и проявление) мещанства – наряду с канарейками, галстуками и абажурами!?!

В таком случае напрашивается не очень приятный вывод: три бурых русских медведя из страшной русской детской сказки «Три медведя» превратились в семь белых медведей не только (или: совсем не) из-за доминирования в предшествующем сюжете числа семь (в конце концов, далее по сюжету к девочке прибегает не семь миллионов кукол, а всего лишь пять миллионов). А потому что в подсознании у девочки, по-видимому, присутствовали семь белых фарфоровых слонов, стоящие в ней в квартире... Вот они-то и превратили трёх бурых медведей в семь белых медведей.

Скажите: напраслина, возведённая на маму девочки? Отнюдь, возразим мы. О чём думает мама Жени? О чётком соблюдении таксономии баранок: «две с тмином, две с маком...» и о том, не разбила ли её «любимую вазочку». У В.П. Катаева как у тончайшего словесного живописца ни одно слово не произносится случайно. Итак, теперь читаем внимательно: мама ни сама, ни устами автора ни разу не называет родную дочь любимой. Или хотя бы просто «доченькой». Это раз. Мы не слышим ни разу о любимой книге мамы. Это два. А теперь считаем, сколько раз эпитет «любимая» адресуется (символу мещанства) – вазочке:

1. «Женя потянулась за любимой маминой вазочкой»
2. «Вели, чтобы мамина любимая вазочка сделалась целая»
3. «Мама прибежала – а её любимая вазочка стоит на своём месте».

Ну, ладно бы, всё это говорилось в третьем лице, это можно было бы принять за лёгкую иронию автора. Но вчитаемся в следующие строки, где сама мама называет вазочку своей «самой любимой»:

«← Ты опять что-то разбила, тьяпа-растяпа! – закричала мама из кухни. – Не мою ли самую любимую вазочку?»

– Нет, нет, мамочка, я ничего не разбила. Это тебе послышалось! – закричала Женя...

Мама прибежала из кухни – а её любимая вазочка стоит на своём месте. Мама на всякий случай погрозила Жене пальцем и послала её гулять во двор».

Итак, единственным объектом маминой любви является вазочка. Мамин крик: «Ты опять что-то разбила, тяпа-растяпа! Не мою ли самую любимую вазочку?» почти воспроизводит крик медведя из сказки «Три медведя»:

«– Кто хлебал в моей чашке! – заревел Михайло Иваныч страшным голосом...

Михайло Иваныч взглянул на свой стул и зарычал страшным голосом:

– Кто сидел на моем стуле и сдвинул его с места!»

Немудрено, что, услышав в мамином вопросе прямую и явную угрозу, девочка в страхе закричала в ответ: «Нет! Нет!» («Не надо! Я сделаю всё что угодно, чтобы избежать наказания!»). Чем же завершается эпизод? Удостоверившись в том, что её самая любимая (!) вазочка цела (значит, есть и другие, менее любимые вазочки), мама целует или хотя бы обнимает дочь? Где там! Она грозит (!) ей и «посылает во двор».

Вновь всмотримся в катаевскую лексику и постараемся определить её коннотации.

С каких слов начинается сказка «Цветик-семицветик»? Мама просит дочку сходить за баранками? Поручает дочке сходить за баранками? Где там! Читаем дословно: «Однажды послала её мама в магазин». И чем завершается эпизод с «любимой» игрушкой мамы? «Мама послала её гулять во двор». Применительно к общению матери с дочерью писатель использует единственный глагол: «послала».

Не будем ходить далеко, обратимся к сказке Пушкина из школьной программы для младших классов: «На него прикрикнула старуха. / На конюшне служить его послала». Глагол «послать» в контексте прямо указывает на подчёркнутое, доведённое до унижения и наказания неравноправие отношений. Или возьмём другое хрестоматийное стихотворение А.С. Пушкина: «Анчар»: «Яд каплет сквозь его кору... // Но человека человек / послал к анчару властным взглядом... // И умер бедный раб у ног / Непобедимого владыки...» Ну, что тут скажешь: семантика пушкинского контекста неумолимо раскрывает нравственный облик матери маленькой Жени. Обратим внимание: В.П. Катаев дал имя девочке – Женя, дал имя и её «невидимому» (не появившемуся ни во дворе, ни дома) братику – Павлик. А дважды пославшей Женю её маме В.П. Катаев имени не дал, равно, как не дал А.С. Пушкин имени старухе, пославшей на конюшню старика, и владыке, пославшей на смерть раба.

Итак, подведём ещё один промежуточный итог. Девочка Женя живёт в семье с мамой, поклоняющейся миру мещанского благополучия. На знаменитой картине Бориса Кустодиева «Купчиха за чаем» (1918) – и баранки, и хрустальная вазочка – всё то, что ценит мама девочки Жени. Так вот, можно предположить, что семь белых медведей, угрожающих Жене в её волшебном видении-сне, символизируют угрожающий Жене, растлевающий её изнутри мир мещанства, повсеместно воплощённый в семи белых фигурках «слоников счастья». И ведь данные медведям зарифмованные эпитеты – тоже так или иначе характеризуют (в глазах автора сказки) мир мещанства: «Первый – нервный, второй – злой». Это ведь психологический портрет мамы девочки Жени. Любовь к предметному миру оборачивается нервной и злой реакцией на тех (будь то даже родная дочь), кто вольно или невольно покушается, посягает на мирок её сытого и красивого («сделайте мне красиво») благополучия. «Третий – в берете». Если не понимать выявленной нами подоплёки, можно было бы принять медведя за художника. Теперь же мы понимаем, что берет – это распространённый в 1930-е годы женской головной убор. Этот медведь – прямое изображение мамы девочки Жени. Наделяя эпитетами четвёртого и пятого медведей, писатель описывает своё отношение к миру потёртых комодов, и помятых галстуков и абажуров: «Четвёртый – потёртый, пятый – помятый».

Заметим попутно, что введённая в текст сказки своего рода «считалка» («Первый – нервный, второй – злой, третий – в берете...») имеет аналоги в старом школьном фольклоре. Вот, например, как выглядит один из вариантов школьного стишка первой половины XX века: «Первый класс / Купил колбас / Второй резал, третий ел, / А четвёртый в рот глядел, /

Пятый крошки собирал, а шестой и вовсе спал». А вот другой вариант этого фольклорного текста: «Первый класс / Купил колбас, / Второй резал, третий ел, / Четвёртый в щёлочку глядел, / Пятый на ниточке висел, / Шестой из форточки летел, / А седьмой сел в поганый таз и уехал на Кавказ». Зафиксировав формальную параллель зарифмованных порядковых числительных в характеристике-перечислении В.П. Катаевым семи медведей с традиционным школьным стишком, в котором также фигурируют зарифмованные порядковые числительные, отметим карнавальную, цинически-пожирательную «пацанскую» семантику второго (школьного стишка). Возможно, это своего рода отголосок лексики тех мальчиков, общение с которыми и привело Женю на Северный полюс.

Но вернёмся к нравственно-мировоззренческому анализу сказки.

Рискнём обозначить ещё один скрытый семантический слой образа семи белых медведей. Они могут быть расшифрованы как семь смертных грехов. Их перечень довольно условен, но само выражение указывает на то, что христианство выделяет некоторый перечень людских качеств (чувств, страстей), которые оцениваются как «первостепенно» греховные. В числе этих грехов – зависть, чревоугодие, гнев, жадность... Но прежде чем допустить такую трактовку образа семи медведей, которые, как сказано у В.П. Катаева, «один другого страшней», зададимся вопросом: а можно ли в «Цветике-семицветике» отыскать хоть какие-то лексические признаки-индикаторы, указывающие на присутствие в семантическом континууме сказки христианского начала? Все читавшие сказку единодушно воскликнут: ну, конечно, нет! В таком случае предложим им перечитать сказку не «сюжетно-содержательно», а лексически... И что же мы увидим?

Ещё до попадания девочки на Северный полюс В.П. Катаев, как бы между прочим, замечает: «В это время, как на грех, за окном пролетали вороны». Что мешало автору написать: «В это время Женя заметила за окном ворон» или «Тем временем пролетали за окном вороны»... Нет, он как бы невзначай вворачивает: «как на грех»... А «грех» – понятие религиозного сознания.

Чуть раньше читаем: «Бежала, бежала, собаку не догнала, только сама заблудилась». Напрямую здесь нет никакого религиозного подтекста. Но корень «блуд» в слове «заблудилась» вызывает в культурной памяти читателя выражение «блудный сын» (из библейской «притчи о блудном сыне»), имеющее в первую очередь значение духовного заблуждения. Но и сам корень «-блуд-», будучи субстантивирован («блуд»), предстаёт как один из первых смертных грехов – прелюбодеяние, блуд, похоть.

Допустим, и это случайность, обмолвка... Перечитаем произведение с самого начала. Вот старушка вручила Жене цветок и исчезла, Женя поняла, что не знает дороги домой, собралась заплакать, «да вдруг вспомнила про заветный цветок»... Что значит «заветный»? Сокровенный, дорогой, тайный, душевный и т.д. С чего бы это вдруг вручённый ей минутку назад цветок стал для девочки сокровенным и душевным? Она ведь даже ещё полностью не верит в его сверхъестественные свойства: «А ну-ка, посмотрим, что это за цветик-семицветик», – говорит она. И вдруг «заветный» цветок... А скрытая функция этого слова – лексическое введение в смысловое поле семантики слова «завет» (Ветхий завет и Новый завет). И слово «заветный» в тексте употребляется далее ещё два раза.

Если мы допускаем, что слова «грех», корни «блуд» и «завет» (слов «заблудилась» и «заветный») – не случайность, тогда мы смелее можем отыскивать признаки присутствия в сказке христианского культурного слоя. Например, строчка из «заклинания»: «Возвращайся, сделав круг». Переведём императив «возвращайся» в инфинитив «возвращаться», и выражение «Возвращайся, сделав круг» фактически превратится в вошедший в русский язык библеизм «возвращаться на круги своя»...

Иначе начинает восприниматься и строка «Почувствовала Женя, что баранки стали чересчур лёгкие». Обычный человек – носитель русского культурного сознания, даже не знающий Библии, – так или иначе знаком с выражением «Валтасаров пир» (так, к примеру называется одна из глав романа Фазиля Искандера «Сандро из Чегема»). На этом пиру на стене появилась надпись, один из переводов одного из фрагментов которой звучит так: «Ты

взвешен на весах и найден очень лёгким». Сопоставим: «стали чересчур лёгкие» и «найден очень лёгким» – лексически близко, а семантика замаскирована...

Рассуждая так, можно зайти далеко... Фразе про баранки предшествует фраза: «две баранки для папы, две баранки для мамы и баранка для братика Павлика». Родители безымянные, при том, что мама играет активную роль в развитии сюжета сказки, маленький же братик, вообще физически не присутствующий в акциональном пространстве сказки, одарён именем. И каким! Павел – это один из двух (наряду с Петром) первоверховных апостолов. Тоже случайность?

Приведём, наконец, самый яркий и убедительный довод. Согласно Евангелию, во время распятия Христа померкло солнце и было землетрясение (не будем входить в подробности, цитировать тексты в разных переводах, анализировать трактовки переводов и т.д., ограничимся крайне формальной констатацией). Как же обстояло дело при перенесении Жени на Северный полюс? «Налетел вихрь, солнце пропало, сделалась страшная ночь, земля закружилась под ногами».

Итак, концентрация того, что можно назвать скрытыми отсылками к Библии, неявными или даже неосознанными цитатами из неё, для небольшого произведения достаточно велика. Поэтому вполне можно допустить, что семь белых медведей символизируют так или иначе семь смертных грехов или, выразимся проще, человеческие страсти, в преодолении которых, в победе над которыми и заключается смысл христианской религии.

В известном смысле, об этом и говорится в сказке «Цветик-семицветик». Девочка поддается страсти гнева, когда преследует собаку (««Ах, вредная собака!» – закричала Женя и бросилась её догонять») – кроме удовлетворения страсти гнева нет смысла бежать за собакой, так как шесть баранок уже полностью съедены, а собака, облизываясь, доедает седьмую баранку; не желая сама играть с куклами, Женя просто завидует наличию у девочек игрушек и, поддавшись страсти зависти, а сразу же подпадает под власть страсти гордыни: «Ну, я вам сейчас покажу, у кого игрушки». Далее Женя искушается страстью чревоугодия и жадности («велеть» дорогих и вкусных конфет «Мишка на Севере», стать обладательницей сандалет или велосипеда). И итогом сказки становится – в контексте одного из семантических кодов сказки – религиозно-христианского кода – преодоление страстей и возвышение до христианской любви – любви-милосердия, любви-жертвы (не без существенных оговорок, с элементом любви-эгоизма).

Рискуя перейти от сказки уже совсем в глубины христианской (теологической и богослужебной) проблематики, приведём два фрагмента из Откровения Иоанна Богослова: «Я обратился, чтобы увидеть, чей голос, говоривший со мною; и обратившись, увидел семь золотых светильников... И семь светильников огненных горели перед престолом, которые суть семь духов Божиих». Семисвечник же – светильник с семью ответвлениями, на концах которых расположены свечи или лампы, – неотъемлемая часть инвентаря алтаря православного храма. Даже человек, далёкий от поэзии, не сможет не согласиться с тем, что при артикуляции слово «семицветик» звучит практически так же, как слово «семисвечник». Может быть, придумывая название сказки и её главный предмет, В.П. Катаев усмехался «в пшеничные усы», зашифровывая христианскую символику...

На этом мы прервём анализ скрытой семантики семи медведей в сказке В.П. Катаева «Цветик-семицветик». Анализ показывает, что содержание сказки значительно сложнее приписываемой обычно ей прямолинейной дидактики. Оно многоуровнево, многослойно, отчасти противоречиво. Укрытая от обычного читателя за семью замками конкретно-историческая, исторически-бытовая, культурно-историческая, литературно-фольклорная, идеолого-мировоззренческая семантика, казалось бы, случайных, необязательных, проходных, мимоходом брошенных слов и фраз В.П. Катаева нуждается в подробном неспешном анализе. И пусть результаты такого анализа «недоказуемы» в буквальном смысле слова, сам процесс размышления над результатами предлагаемого исследователем анализа,

процесс верификации разных версий, сопоставления разных смысловых оттенков духовно обогащает душевный мир читателя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бродский, Н.Л. Евгений Онегин. Роман А.С. Пушкина : пособие для учителей средней шк. / Н.Л. Бродский. – Изд. 3-е, перераб. – Москва : Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1950. – 408 с. – Текст : непосредственный.
2. Вайнер, А. Эра Милосердия / А. и Г. Вайнеры. – Текст : непосредственный // Приключения, 1988 : сборник / сост. Н.М. Беркова ; предисл. Б. Михайлова ; худож. М. Лисогорский. – Москва : Молодая гвардия, 1988. – С. 217-476.
3. Никитин, С.К. Весенним утром : повести и рассказы / С.К. Никитин. – Москва : Моск. рабочий, 1966. – 464 с. – Текст : непосредственный.
4. Папанин, И.Д. На полюсе ; рис. В. Щеглова. – Москва : Детгиз ЦК ВЛКСМ, 1939. – 47 с. – Текст : непосредственный.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

С.Б. Борисов, доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор кафедры филологии и социогуманитарных дисциплин, ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет», г. Шадринск, Россия, e-mail: sbsborisov@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

S.B. Borisov, Doctor of Cultural Studies, Ph.D. in Philosophical Sciences, Professor, Department of Philology and Socio-Humanitarian Disciplines, Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia, e-mail: sbsborisov@mail.ru.